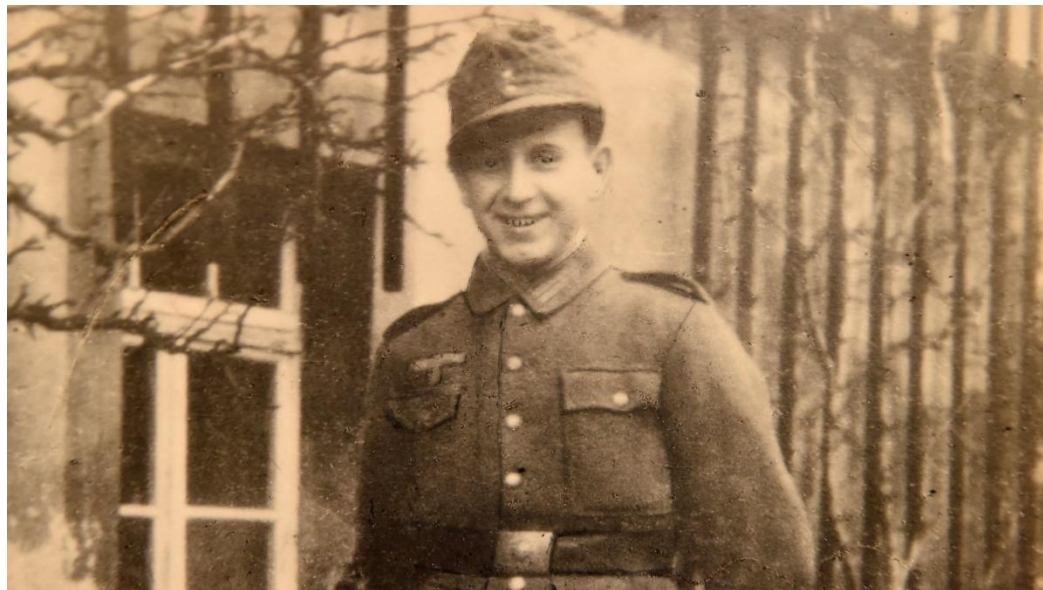

НЕМЕЦКИЙ СОЛДАТ ВАЛЬТЕР ВАРДА (WALTER WARDA) РАССКАЗЫВАЕТ О ВОЙНЕ И ПЛЕНЕ

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Думаю, я побывал в 23 лагерях. Первый, в который я прибыл, был в Зеленодольске, на Волге. Нас, привезенных туда, было 3 500 человек, через полгода осталось только 500. Русские о нас не беспокоились. Они преднамеренно давали нам умереть. В другом лагере, тоже на Волге, мы спали на нарах. Я спал на нижнем ярусе с еще восемью парнями. Упакованы мы были, как сардины в банке. Утром русские приходили в барак и считали оставшихся в живых и умерших. Мы держали умершего вертикально, делая вид, что он живой, таким образом добывая себе дополнительную пайку. Каждую ночь умирало 6-8 человек, и русские при этом говорили: «Все еще маловато. Пусть побольше сдохнет.»

НАЧАЛО

Я родился в Германии, в городе Дуйсбург-Хамборн (Duisburg-Hamborn) близ голландской границы. Мой отец был мастером в компании *Thyssen* и работал на железных дорогах. Он был одним из первых, вступивших в партию национал-социалистов, но через год или два покинул ее. Я слышал, как он сказал матери: «Это гнилые люди.» Все молодые люди должны были вступать в Гитлерюгенд. Входя в магазин, ты должен был сказать "Heil Hitler!", и меня тошнило от этого. Иногда я забывал об этом, и мне напоминали. Я всегда был настроен против этой системы, и ненавидел тот факт, что мною командовали.

Каждый подросток, достигший 14 лет, должен был отработать год на угольной шахте или на ферме. Мой отец сказал: никаких шахт, отправляйся на ферму. Я хорошо провел там время. Семья имела пару коров, двух лошадей, кучу свиней и цыплят. Работа была тяжелой, но это было полезно. Там я здорово окреп. Потом, когда наш город разбомбили, мы переехали в Познань. Отец взял с собой все деньги и купил большую ферму. Сам я стал работать на железной дороге в роли *Junghelfer* (ученика), исполнял обязанности билетера и пр. 20 апреля 1943 г. меня призвали в армию. Я вовсе не хотел идти на войну.

Военная подготовка заняла 8 месяцев - я обучался специальности радиста-телеграфиста в *Beobachtungs Abteilung* – батальоне наблюдения. Помню, что приходилось таскать за спиной очень тяжелую аппаратуру. После этого на поезде, набитом солдатами, я покинул эту часть. Нас отправили в Россию, на Восточный Фронт, и среди нас не было ни одного человека, который бы рвался туда. Это было вроде наказания...

Мы добрались до России через Польшу через два или три дня. Поезд остановился, мы все очень хотели пить. Я сказал: «Где-то в миле от нас – дом, пойду добуду воды» и отправился туда сам по себе. Но дома там не оказалось - это были какие-то деревянные развалины, и воды там тоже не было. Неожиданно я услышал какие-то звуки. Это был русский патруль – их было человек 40-50, они увидели меня, но ничего не предприняли. Вероятно, они не стали стрелять потому, что не хотели шума. Я залег в траве и притаился, здорово перепугавшись...

Под Николаевым мы первый раз попали под обстрел. Затем мы долго простояли в одном месте, где окопались и стали наблюдать за русскими. У нас был полевая стереотруба, носившая название *Scherenfernrohr*. Как-то я заметил, что за мной наблюдает русский с колокольни церкви, расположенной в нескольких милях от нас. Я видел, как блестит стекло его оптики, и он явно заметил блеск стекол моего прибора. В нашей части были образованные ребята, многие пришли с университетской скамьи – они умели считать и точно наводить артиллерию. Первый снаряд пролетел над колокольней, второй попал в цель. Это была единственная жертва на моей совести за всю войну.

РУМЫНИЯ

Затем я оказался в Румынии. Мы отступали. Как-то мы, сидя в ячейках, вырытых на одного человека, наблюдали за наступающими русскими. Ниже нас, в долине, в нашу сторону двигались танки и вели огонь. Парень, сидевший в соседнем со мной окопчике, мой сержант, был убит, а мой друг получил осколок в колено. Я взвалил его на себя и оттащил на другую сторону холма...

Фронт рассыпался – это было под Галацем (Galati). Здесь были румынские, итальянские и немецкие оборонительные линии. Русские просочились через линию обороны румын, и те начали драпать и стали сдаваться в плен. Я смотрел на это с наблюдательного пункта. Русские приближались. Со мной был лейтенант, молодой парень. Он сказал: «Мне нужно идти.» - «А что с нашим оборудованием?» - спросил я. – «Ты о нем позаботишься.» Он приказал мне смотать катушку с телефонным проводом, но я сказал: «Черт с ней.» Он вскочил в машину и тронулся. Я успел ухватиться за машину и повиснуть на ней, иначе мне была бы крышка. Когда мы добрались до немецких линий, я спрыгнул и остался сам по себе...

Я набрел на генерала, собиравшего вокруг себя солдат, чтобы бросить их в бой. Набралось около тысячи человек. Мы начали марш в сторону фронта, двигаясь по краям дороги. Неожиданно посреди колонны оказалась машина, в которой стоял тот самый генерал. У него в руках был деревянный кол, которым он огрел меня по спине. Но я не сделал ничего дурного! Я маршировал целый день, покрылся пылью и изнемогал от жары. Я взбесился, поднял винтовку и сказал: «Я хочу пристрелить этого сукиного сына,» но трое парней повисли на мне с криками: «Не вздумай, тебя убьют!» и отобрали у меня оружие... Я был примерным солдатом, но не хотел, чтобы со мной так обращались, хотя бы это был и генерал. Я отошел в сторону от колонны и улегся в на землю...

В итоге, меня и еще семерых солдат взял в плен русский, который отвел нас к месту сбора немецких военнопленных. Где-то на берегу Дуная нас собралось около 10 000 человек. Русские предупредили нас: «Всем сидеть, не вставать!». У какого-то парня помутилось в голове, он встал и сказал: «Застрелите меня!» Русский офицер подъехал к нему на лошади и выстрелил ему в голову. Я сам это видел... Когда, наконец, мы тронулись в путь, слева и справа от меня оказались офицеры. Мы шли колонной длиной около мили, по пять человек в шеренге. По обе стороны колонны шли конвоиры. Если ты выбивался из строя, тебя могли и пристрелить. Когда мы стали приближаться к небольшому перелеску, я собрался бежать, но идущий со мной рядом офицер сказал: «Это может стоить тебе жизни.» Я сказал, что мне все равно, нырнул в заросли кустарника, и русские начали стрелять мне вдогонку. Стреляли они довольно долго...

СНОВА В СССР

После долгих скитаний Варда был вновь задержан советскими солдатами. Его долгий маршрут обратно в СССР закончился близ города Зеленодольск.

Неподалеку от Зеленодольска двери вагона открылись, и мы быстро покинули его. Спрыгнув на землю, я оказался по пояс в снегу. Мои ноги были обмотаны тряпками, и я так и промаршировал вместе со всеми милью или две до лагеря. Сначала нам не давали никакой еды, но через пару дней питание организовали и раздали какой-то жидкий суп.

Посреди лагеря был колодец, но воду из него было невозможно пить. Она была красноватой и со вкусом ржавчины. Один парень попытался загрести снег между двумя рядами ограды из колючей проволоки, но русский охранник убил его выстрелом в голову... Воду для супа мы стали брать прямо из Волги. Возили ее на санках, на которые грузили три 50-галлонные бочки. Суп ели из мисок, а ложки сами себе вырезали из дерева. Каждые два дня мы стояли по четыре часа вне бараков, на жутком холоде, пока русские обыскивали помещения. Если они находили чью-то ложку, они отбирали ее. У нас появилась обувь – мы подбирали то, что русские выбрасывали, и мне достались драные сапоги. Шинели или куртки у меня по-прежнему не было. Каждое утро мы машировали к железнодорожной станции, где разгружали вагоны с булыжниками для мостовых. Работа была тяжелой, возвращались мы в лагерь поздним вечером.

Среди русских был лейтенант, который относился к нам очень хорошо. У него была собачка, кто-то из военнопленных украл ее и, вероятно, она была съедена. Мы, конечно, были недовольны этим, но так и не нашли вора... Вообще, еду, грязную и дрянную, нам давали только дважды в день – утром и вечером. В кухне всегда было полно тараканов, но нас это не беспокоило. Или ты ешь, или ты труп. Как-то раз я заболел тифозной лихорадкой и остался в бараке. Был у меня приятель, который шил русским офицерам форму и поэтому питался лучше других. До войны он работал в Вене в знаменитом отеле *Sacher* и шил платья для хозяйки – госпожи *Sacher*. Он, фактически, спас мне жизнь, делясь со мной едой...

В лагерь приехал инспектор-медик из Москвы. Увидев меня в бараке, он приказал мне спуститься с нар, но я не мог двигаться. Меня стащили вниз, инспектор задрал мою рубашку и увидел только кожу и кости. Кожа отслаивалась чешуйками. Весил я тогда 68 фунтов, хотя мой обычный вес когда-то был 145. «Немедленно в госпиталь,» - сказал инспектор. Он вел себя так, как будто ему было жаль меня и ему не хотелось, чтобы мы пропадали ни за грош. Меня отвезли в госпиталь, расположенный недалеко от Пензы.

Это было кирпичное, кажется, пятиэтажное здание. Прекрасное место, в котором было тепло. Лежал я на нарах еще с семьей парнями, и было так тесно, что поворачиваться приходилось всем вместе. Я пробыл в госпитале 7 месяцев.

Выздоровевших отправили в другой лагерь в Поволжье. Тут нам пришлось проторчать три дня в вагоне, дожидаясь, пока нас выпустят. Это было ужасно, многие ребята умерли. Русские просто забыли про нас, загнав поезд в тупик. В следующем лагере нам пришлось разгружать серу с грузового судна. Таскали ее в корзинах на спине, и сера обжигала кожу. Таскать приходилось на немалое расстояние в жаркие дни. Все мое тело было в ожогах. Здесь как-то произошел такой случай: 3 августа, кажется, 1948 г., в мой день рождения, у нас был перекур в работе. Я сидел и отдыхал, в туалет сразу не пошел. Сам туалет был временным, фанерным. В него набивалось до 40 заключенных, при этом пол был сделан из тонких досок, в которых были сделаны дырки. Так пол провалился, и парни свалились в яму, глубиной около трех метров, полную дерьма. Я услышал их крики. Они пытались взобраться на плечи друг друга и выкарабкаться из ямы, но безуспешно – все утонули.

Вспоминаю еще один случай – в одном из лагерей мы праздновали Рождество и установили небольшую «елку» в бараке. Она была сделана из веток, высотой была с полметра. Украшения мы сделали из бумаги. Сидим, тут открылась дверь, и вошел офицер НКВД – политкомиссар. Это был паскудный человек, коммунист-фанатик. Он свалил «елку» на пол и рявкнул: «Вам, свиньям, елка ни к чему!»

Варда попытался совершить побег. Он планировал добраться до финской границы и перейти ее, пробыл в бегах около 20 дней, и, конечно же, был схвачен.

Меня вернули в лагерь для немецких военнопленных, расположенный в Куйбышеве. Здесь мне дали возможность помыться, предоставили приличную одежду и через пару дней вызвали на беседу. Напротив меня сидела группа офицеров, с ними несколько женщин. Они стали спрашивать: «Сколько мостов вы взорвали? Скольких женщин вы изнасиловали?» Чего только не спрашивали, при этом нанося удары кулаком в лицо. Одна женщина выглядела очень сексапильно, и сидела она так, что я не мог оторвать взгляд от нее. Один офицер вскочил, ударил меня и сказал: «Куда ты смотришь?» - «Не знаю,» - ответил я. Но тут он сказал следующее: «Ты едешь домой, и ты не должен говорить кому-либо о том, что тебя здесь не кормили. Кормили тебя хорошо, иначе ты бы не смотрел на эту женщину такими глазами.»

ДРУГИЕ ЛАГЕРЯ И ОТПРАВКА ДОМОЙ

Вскоре после этого в лагере появился охранник из лагеря, в котором я находился до побега. Он должен был отвести меня назад. Он всучил мне свои вещи, и мне пришлось тащить их. Это был здоровый малый, и на его один шаг приходилось два моих. Когда мы переходили Волгу по льду, я бросил его вещи и сказал ему, что он за меня отвечает, и что если что-нибудь случится со мной, это дойдет до Москвы. Парень испугался, взял свои вещи и понес их сам. Мы перешли по льду через Волгу и заглянули в дом, где жили его родственники. Он оставил меня одного в комнате, потом зашла пожилая женщина, сняла с полки миску с молоком, чтобы покормить кота. Как только она отвернулась, я схватил эту миску и выпил молоко, предназначенное коту...

Мы добрались до лагеря, расположенного немного дальше, чем мой предыдущий. Охранник зашел в помещение пропускного пункта и начал избивать меня. Отметелил он

меня по-настоящему... На следующее утро меня запустили в лагерь. Меня наказали, и всю следующую ночь я чистил картошку, а потом работал в каменоломне. Следующий лагерь был в лесу, и мы работали на рубке деревьев. Ствол нужно было укоротить так, чтобы он точно укладывался в грузовик. Работа была тяжелой, а питание совершенно недостаточным.

В одном из лагерей я встретил немецкого врача, который когда-то жил неподалеку от моего города. Его отправляли домой, и в 1949-м я написал родителям письмо, сообщив, что я все еще жив. Родители впервые услышали обо мне за все послевоенные годы. За год до того, как нас выпустили, нам разрешили отращивать волосы. До этого головы нам брили, чтобы не плодить вшей. Вообще, русские стали вести себя более добросердечно. Одним вечером, дело было уже в 1950-м, меня вызвали в офис и сказали: «Ты едешь домой.» Но это говорилось в прошлом столько раз, что я не поверил им. «Собирай вещи, все что есть, но, если ты возьмешь отсюда хотя бы один листок бумаги с каким-то именем на нем или с чем-то написанным на нем, ты вернешься обратно в лагерь.» Я знал, что один парень спрятал листок бумаги где-то в штанах, там было что-то написано. Перед посадкой на поезд русские сказали нам: «Никто не должен узнать о том, как здесь с вами обращались.» Ну а это парень что-то записал, этот листок нашли, прочитали написанное и снова отправили его в лагерь.

Весь наш лагерь отправлялся домой. Поезд был полон. На каждой станции я выбегал в поисках еды. Я был самым низкорослым из ребят, но бегал быстрее всех. Я всегда приносил с собой какую-то еду, поскольку русские люди относились к нам, возвращающимся домой военнопленным, прекрасно...

После долгой поездки мы прибыли в Германию. Во Франкфурте я избавился от своей русской кепки, повесив ее на дерево... В моем родном городе меня встретили родители, а дома я увидел старшего брата. Он был ранен под Ленинградом, потом тоже попал в плен и провел в нем четыре с половиной года...

В 1954 г. Вальтер Варда эмигрировал в США, где прожил долгую жизнь.

Оригинальное интервью - David Venditta

<http://www.mcall.com/news/local/mc-german-war-story-walter-warda-20160507-story.html>

О ГОДАХ, ПРОВЕДЕННЫХ В СОВЕТСКОМ ПЛЕНУ, РАССКАЗЫВАЕТ ВЕНГР ЛАСЛО РАЙЗНЕР

Меня зовут Ласло Райзнер (Laszlo Reisner), я родился в Будапеште в 1922 году. Мой отец был сапожником, мать – домохозяйкой. После 8 лет, проведенных в школе, я 3 года учился в католической школе для мальчиков на портного – это было обычным делом в Венгрии в то время.

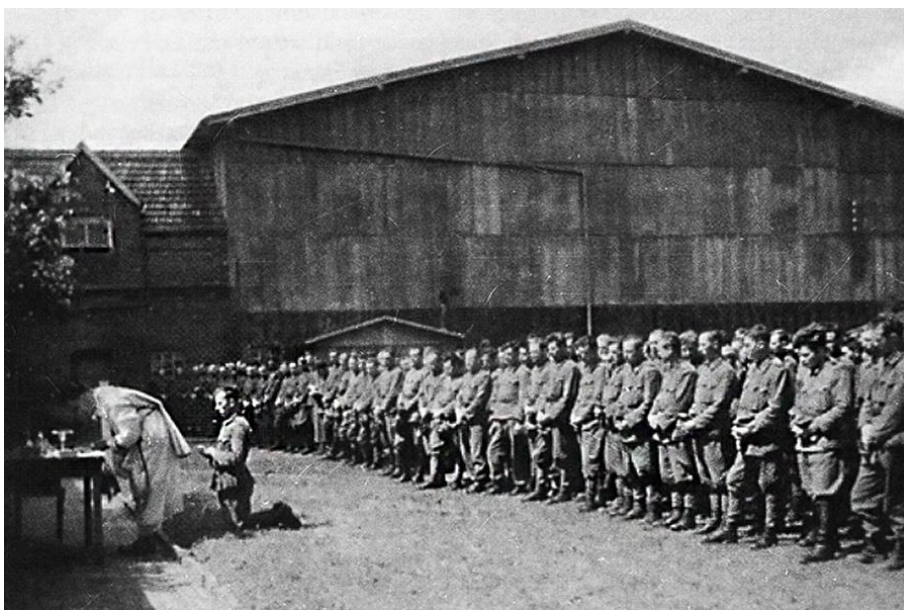
До войны Венгрия была демократической страной с множеством политических партий. Коммунисты были на нелегальном положении, а фашистская партия была совсем немногочисленной. Но в 1943-м Венгрия попала под контроль нацистов. Пока мне не исполнился 21 год, я просто смотрел на то, что происходит вокруг, но по достижении этого возраста был призван в армию. Базовая подготовка продолжалась 6 недель, затем я переключился на подготовку в качестве пулеметчика. Это было уже в составе армейской бригады: кто-то из новичков становился просто стрелком, кто-то пулеметчиком и т.п.

Я был в армии, когда Румыния капитулировала и перешла на сторону русских. Вскоре война пришла на венгерскую землю. Наша часть была разгромлена в боях за Будапешт, кто-то из наших сумел прорваться на запад, но я попал в плен. Русские отобрали у нас часы, ценности, ювелирные изделия, все то из снаряжения, что было сделано из кожи. Отобранное заменили на какое-то старье. В декабре 1944 мы пешим ходом добрались до Тимишоары, где провели пару месяцев в лагере. В то время русские подумывали о том, чтобы использовать военнопленных против немцев. Всем офицерам и унтер-офицерам вернули звания, и мы каждый день маршировали на задах лагеря и пели строевые песни. Однако через два месяца мы прошли маршем к железнодорожной станции, и нас посадили в вагоны, на которых было написано: 8 лошадей или 40 солдат. Нас, поместившихся в вагон, было около сотни. Дорога в Россию заняла около месяца. Кормили нас два раза в день супом, давали немного хлеба. Конечно, мы голодали. Тяжело было еще и потому, что невозможно было шелохнуться. Но мы были молодыми, крепкими парнями... Я не слышал о том, чтобы кто-то умер по дороге. В общем, русские обращались с нами неплохо.

Нам никто не говорил, куда мы едем, но мы знали – наш путь лежит в Россию. Когда мы прибыли на место, в Саратов, нам пришлось спрыгивать на землю, и все настолько обессилели, что просто подняться на ноги потребовало времени. Только через два часа мы сумели построиться, и нас отконвоировали в большую новую школу, которую приспособили под лагерь для военнопленных, где нам предстояло провести два с половиной года. Это было большое трехэтажное здание, в котором разместилось, я полагаю, 400-500 человек. В основном, это были немцы, нас, венгров, было человек 100-150. Комендант и все начальство были немцами. Мы даже научились говорить по-немецки. Спали мы на полу вплотную друг к другу. Русские обращались с немцами и венграми совершенно одинаково – никаких различий.

В каждом углу четырехугольного периметра лагеря были вышки с пулеметами. Нас предупредили, что в случае попытки к бегству по нам будут стрелять. Однако о побеге

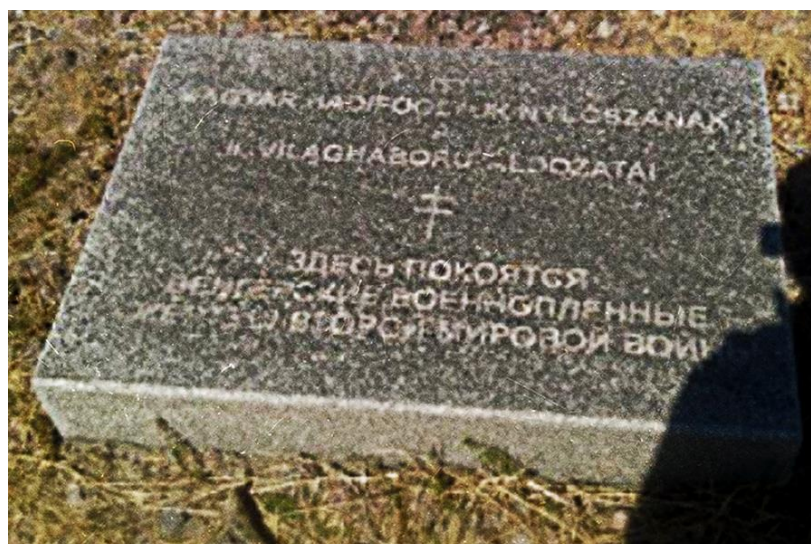
никто и не думал – мы были в тысячах миль от дома. Один, уже не помню кто, немец или венгр, пытался сбежать, но был убит. Его труп привезли в лагерь и показали нам всем...

1945 г. Германия. Венгерские военнопленные во время католического богослужения

Сначала мы работали на полях вместе с русскими. Когда мы присаживались, чтобы отдохнуть, они говорили: «Davaite kushai...» и угощали нас. Знаете, простые люди всегда понимают друг друга. Мы постепенно научились говорить по-русски. Иногда они говорили нам: «Когда-нибудь вы станете свободными людьми и поедете домой, а мы останемся здесь до конца дней.» Возникало ощущение, что русские сами чувствуют себя взаперти в этой стране...

Вставали мы в 6 утра на крик *Arbeiten!*, где-то в семь ели суп на завтрак. Спали мы в одежде, так что одеваться долго не приходилось. Каждые две недели мы ходили в баню, после чего нам давали чистые рубашки и чистое белье. Раз в месяц мы проходили медосмотр. Проходило это немного забавно: мы раздевались и выстраивались в шеренгу. Затем появлялся медик – обычно это была женщина, смотрел, в каком у нас состоянии зубы, трогал пальцем ягодицы, чтобы удостовериться в том, что человек не истощен и может ходить и работать. Те, кого зачисляли в дистрофики, попадали в специальную команду, которая оставалась в лагере и занималась уборкой помещений.

Могильная плита на кладбище венгерских военнопленных в Саратове
(сайт <http://wikimapia.org/17306881/ru/photo/1350698>)

Позднее, когда я работал на заводе (zavod), который производил военные шинели (shinel), я приноровился шить рукавицы и шапки на продажу. Что-то из этого я продавал немцам, а что-то и местным русским... Это был мой мелкий бизнес, и знание русского помогало мне обменивать свои изделия на хлеб.

Мне довелось увидеть Волгу – крупнейшую реку в Европе. Когда я работал на заводе, нас водили на пристань перегружать рыбу с барж на грузовики. Потом мы шли в город и разгружали рыбу в разных местах: на фабриках, в больницах и пр. Нашу бригаду в 20-25 человек конвоировали, но, скорее всего, нас просто охраняли от русских инвалидов – людей, потерявших на войне руку или ногу, – которые пытались побить нас по дороге. А так, мы быстро научились у русских воровать рыбу. Помню, как один офицер стащил две рыбины и спрятал их под *gimnasterka* по обе стороны груди, чтобы обменять на что-нибудь на *bazar*. Ну и я совал в каждый карман по рыбине, чтобы поменять на что-нибудь в лагере. Я и сам как-то сказал охраннику, что сбегаю на базар и скоро вернусь. Пришел на базар, достаю рыбу и говорю: «Prodayu». Ну, сами понимаете, времени мало, продал по низкой цене, всего за несколько рублей, но, однако, на них сумел купить несколько фунтов хлеба! Хлеб имел большое значение для нас: мы были молодыми парнями, немного за 20, и всегда ходили голодными.

Раз в год мы получали разрешение на отправку домой открытки через Красный Крест. Кажется, один раз я отправил домой открытку, и моя семья узнала, что я в России и когда-нибудь вернусь домой. Когда война окончилась, русские сказали нам: «Voyna karut!». Однако осенью в лагерь привезли еще 400-500 венгров. Когда мы спросили их, где и когда их захватили в плен, они сказали, что 5 октября в Будапеште. Их арестовали в большом количестве после футбольного матча, женщин и мужчин старше 60 и моложе 16 отпустили, а остальных вывезли в Россию. Говорили, что Ворошилов обещал Сталину миллион венгерских военнопленных, но что-то недобрал, пришлось компенсировать недостачу таким образом...

Нас освободили в конце 1948-го. К тому времени я оказался в Ульяновске, где мне пришлось намного тяжелее: мне, городскому парню, пришлось работать под открытым небом и копать мерзлую землю на прокладке газопровода, который тянули в Москву. Тогда-то я и подорвал себе здоровье. Когда нас привезли на венгерскую границу, мы прошли медосмотр, и тут обнаружилось, что у меня туберкулез. Приехал в Будапешт, где был направлен на лечение в военный госпиталь. Лечился, ел вволю и через год поправился. Получил разрешение на открытие табачной лавки, дела пошли неплохо. Я работал за 10% прибыли, и через два года мой бизнес вырос втрое. Однако тут у меня его и отобрали, выплатив компенсацию в виде месячной зарплаты. Случилось это в 1952-м. Позднее я работал на фабричном складе.

В 1956-м вторая волна русских, посланных Хрущевым, подавила революционные выступления и за 10 дней нанесла Будапешту такой же ущерб, как за всю Вторую мировую войну. Ну а я с женой бежал в Австрию, откуда эмигрировал в Америку.

Оригинальное интервью - <http://www.youtube.com/watch?v=dU1bPBOPbQ> (2010)

СОЛДАТ WAFFEN SS СТИВ (СТЕФАН) КЛЕЗИТЦ РАССКАЗЫВАЕТ О ВОЙНЕ И ПЛЕНЕ

Стив Клезитц (при рождении – Stefan Klesitz), уроженец Венгрии, в конце 1944 г. был призван в армию и оказался в Waffen SS. В январе 1945 г. он попал в советский плен, а с 1951 г. по 1953 г. находился в венгерской тюрьме. В конце 1953 г. был освобожден и, в итоге, эмигрировал в Канаду.

Стив Клезитц незадолго до ухода в армию. Эту фотографию он хранил все годы, проведенные в плену и в тюрьме

НАЧАЛО

Мои родители владели маленькой фермой в небольшом немецком городке Баконшаркань (Bakonysarkany) в Венгрии. При рождении, в июне 1926 г., я получил имя Stefan Klesitz. У меня был старший брат Джо (Йозеф? – ВК) и младшая сестра Регина (Regina). Ферма у нас была простенькая: пара коров, две лошади для пахоты, свинья. Мы выращивали кукурузу и немного картофеля. Иногда у нас были излишки продукции для продажи, но большая ее часть потреблялась семьей. Разумеется, электричества не было. Городишко был маленький, может, около 1000 жителей. Все говорили по-немецки. В школе мы учили венгерский, но я ненавидел школу. Ей управляли католики, их отношение к нам было ужасным. Если ты опаздывал, тебя били. Если ты не знал правильный ответ, тебя били. Если ты смеялся в классе, тебя били. У учителей были бамбуковые палки, и даже летом, когда мы носили шорты, мы получали палкой спине или по голым ногам. Каждую неделю тебе полагалось ходить на исповедь, и я придумывал что-то, чтобы признаться в этом на исповеди и проскочить ее. Покинув родной город, я ни разу больше не заходил в церковь...

ВОЙНА

Мне было 13, когда началась война в Европе, но от нашего города это было далеко. В начале войны на Венгрию никто не нападал, Германия ее не оккупировала, но руководители страны пропустили войска Гитлера через свою территорию для нападения на Россию. В 1942 г. дела на войне еще складывались неплохо для немцев, и мой старший брат добровольно вступил в *Waffen SS*. Примерно в это время мой отец умер от рака, и я ушел из школы, чтобы быть дома и управлять фермой.

После Сталинграда дела у немцев пошли совсем плохо. В 1944-м Гитлер решил оккупировать Венгрию, и к тому времени Германия начала призывать в армию мужчин возрастом от 17 до 42 лет. Добровольцев больше не было. Даже в ряды *Waffen SS* начался призыв, под который попал и я в сентябре 1944-го, вскоре после того, как мне исполнилось 18. Тогда всех гребли в армию. Даже мой школьный приятель, который когда-то по-серьезному сломал себе ногу и остался с негнувшимся коленом, оказался в армии, где ему сказали, что он вполне сгодится для работы на кухне.

Я попал в 22-ю добровольческую кавалерийскую дивизию *SS Maria Theresa* и был отправлен в близлежащий городок для обучения (*эта дивизия состояла в основном из военнообязанных венгерских граждан-фольксдойче – ВК*). В то время румыны выбросили белое полотенце и встали на сторону русских. Подкрепления немцам были нужны позарез, поэтому всего через месяц нас бросили в бой. Как и всем военнослужащим *SS*, нам вытатуировали под левой мышкой группу крови. Первоначально войска *Waffen SS* были элитными частями германских вооруженных сил, и считалось, что солдатам этих частей нужно оказывать медицинскую помощь в случае ранения в первую очередь. Эти татуировки должны были помочь медикам определить, кто был в *SS*, а кто не был. К 1944-му *Waffen SS* перестали быть исключительно добровольной частью армии, но эта практика осталась в силе...

Не знаю, чего я хотел от военной службы, но я знал, что не хочу ходить пешком. Мой приятель и я увидели мотоциклы *BMW* во время обучения, и мы решили, что это нам по душе. Мы добровольно вызвались служить в разведке. В октябре наша дивизия была переброшена на венгерские равнины и дислоцирована в местечке под названием Кечкемет (*Kecskemet*). Русские были уже где-то неподалеку, поэтому мы, разведчики, выезжали из расположения части на мотоциклах, чтобы собрать какую-то информацию о противнике.

К началу ноября погода совсем испортилась, никаких рекогносцировок больше не было, просто дождь да снег. Мы жили в траншеях, и в них нужно было соблюдать осторожность. Высунешь голову – тебя подстрелят. У меня был пулемет *MG42*, самый скорострельный во то время, и я стрелял из него всегда, когда нас атаковали. Попал ли я хоть раз в русского? Сам ты точно не знаешь, куда летят твои пули, но, должно быть, кого-то из них я убил. К середине ноября никто уже не знал, где проходит линия фронта. Русские пытались окружить Будапешт, и мы старались чаще выбираться на разведку. В день Рождества всю нашу дивизию отвели к городку Шорокшар (*Soroksar*), где в местной школе у нас прошла небольшая церемония, во время которой раздавали подарки и награды. Я пробыл в армии к тому времени слишком мало, чтобы что-то заслужить, да и не отличался я большой храбростью.

РАНЕНИЕ

... Всю ночь мы совершали марш в сторону Вечеша (Vecses), где теперь находится аэропорт. В тот день, 26 декабря, я и еще один пулеметчик получили приказ установить наши пулеметы для охраны метрах в 50 от блиндажа, в котором у офицеров проходило совещание. У нас было два пулемета, один довольно новый, другой не настолько, и последний часто заклинивало. Другой парень и я договорились позавтракать по очереди, и, когда он вернулся, я отправился поесть. В тот самый момент какой-то офицер закричал: «Всем к бою! Русские идут!» Я схватил старый пулемет и начал отлаживать его, чтобы быть уверенным в том, что его не заклинит. Затем я услышал свисток, и на нас обрушился ливень из пуль. Другого пулеметчика зацепило, и больше я его не видел.

Русские прорвали фронт, и наши офицеры начали выкрикивать приказы отступить. Танк *Panzer II* оказался в канаве, и целая группа парней, включая меня, спустилась к нему, чтобы вытащить его на дорогу. Русские же наступали вдоль нее и были, вероятно, в какой-то сотне метров от нас, когда нам удалось вытянуть танк. Мы все залезли на него, я уцепился за надгусеничную полку. Я не мог держаться за нее и одновременно удерживать в руках пулемет, и я отдал его другому парню. Русские палили в нас из всего, что стреляло. Вокруг нас рвались снаряды, повсюду разлетались клубы дыма и летели комья земли. Солдаты, двигавшиеся по дороге впереди нас, падали, сраженные огнем противника, но наш танк и другие продолжали свой путь прямо по телам павших... Тогда я сказал себе: «Если я выберусь отсюда живым, я никогда не умру.» [Высунувшись из люка], механик-водитель сказал мне обратить внимание на то, что парень, находившийся позади меня, бел как мел. Я повернулся, увидел, что тот ранен и пытается удержаться на машине. Я схватил его за руку, чтобы не дать упасть, и в этот момент метрах в 30 за нами что-то разорвалось, вырвалось пламя и клубы черного дыма. Осколки попали мне в лицо, порвали верхнюю губу и выбили четыре передних зуба. Я не сразу заметил, что меня ранило, должно, быть, был какой-то шок. Я просто спрыгнул с машины и побежал. Посмотрев вниз, я увидел что белая подкладка моей шинели, вывернутая наружу для маскировки в зимних условиях, стала красной от крови, хлеставшей из ран на моем лице. Во рту у меня как будто был гравий... Я выплюнул осколки и выбитые зубы и кое-как добрался до перевязочного пункта, где мне оказали помощь. В 7 вечера меня посадили на грузовик и отправили в отель *Park Saloda*, расположенный на пештской стороне столицы, где в подвале был развернут госпиталь. Позднее, ночью, меня переправили на Замковую Гору (замок Вархедь, на другом берегу Дуная). Где-то после полуночи мне сделали операцию, отрезали кусок губы и что-то сшили.

Думаю, мне повезло в том, что я остался жив, так как осколки могли попасть в голову сбоку и убить меня. Все, что я помню – страшная боль. Через неделю медик пришел, чтобы поменять мне повязку. Он просто сорвал старую, и было зверски больно. После я стал каждый день немного двигать повязку, чтобы под ней не спекалась кровь...

ОКРУЖЕНИЕ

К концу января 1945-го большая часть наших войск отступила на Замковую Гору. Мощные стены замка были хорошей защитой от бомб и снарядов, которые обрушивали на нас русские. В стенах были абразурсы, откуда мы могли вести пулеметный огонь, под зданием были тоннели, где мы держали раненых. Я был ходячим раненым, и мне было поручено доставлять воду на кухню. По мере того, как русские постепенно окружали город, условия на Замковой Горе становились все хуже. Если нам и доставалась какая-то пища, это был

жиденький суп и, возможно, дрянной хлеб с опилками. За пределами замка, на улицах, время от времени убивало лошадей, с которых люди срезали мясо. Но и лошади были «кожа да кости», так что толку от них было мало.

С воздуха нам пытались сбрасывать какие-то припасы, но они либо падали в реку, либо попадали в руки русских. Была середина зимы, погода была отвратительной, мы начали голодать. В начале февраля я столкнулся со своим старшим братом. Он в начале войны добровольно вступил в SS, но оказался вместе со мной на Замковой Горе в одно время.

КАПИТУЛЯЦИЯ

Наши дела шли все хуже и хуже, и к 11 февраля все знали, что ситуация стала безнадежной. Офицеры сказали нам, что мы можем попытаться прорваться через позиции русских на территорию Германии или можем сдаться в плен. Около 30 000 наших попытались прорваться, из них выжило менее 1 000. 13 февраля я и мой брат оказались в числе тех 5 000, кто сдался русским. В тот день я стал военнопленным, мне было всего лишь 18, и с той поры я не видел свободы почти 9 лет...

ПЕРВЫЕ ДНИ В ПЛЕНУ

В первый же день после сдачи в плен нас погнали в Будакеши (Budakeszi) – городок, расположенный в 7-8 милях от Будапешта. На второй день мы продолжили свой марш и добрались до места, где были собраны евреи. Это сделали русские, и они заставляли нас, пленных, смотреть в сторону евреев, когда мы маршировали мимо. Немцы оккупировали Будапешт в марте 1944-го, а в ноябре того же года еврейские кварталы превратили в гетто – там за оградой держали около 200 000 евреев. В январе, месяца через три, гетто было освобождено, и я полагаю, что евреи, которых мы видели на второй день марша, были из гетто. На второй ночлег мы остановились в винном погребе. Меня измучили мои ноги – кожаные сапоги, которые я раздобыл на Замковой Горе, промокли, мои ноги распухли, и я просто не мог разуться.

На следующий день я взял с собой два шеста из виноградника, которые стал использовать, как костыли. Нас разделили на колонны в зависимости от физического состояния. Я попал в колонну, в которой за мной оказалось четверо или пятеро парней, которым было еще хуже, чем мне. По пути я внезапно услышал выстрел и оглянулся: парень, замыкающий нашу колонну, остался лежать на земле, а русский конвоир уже одевал на плечо свою винтовку... Затем он застрелил следующего, оказавшегося в конце колонны. Русские убивали тех, кого считали неспособными идти. Рядом со мной шел мой брат, и он сказал: «Если они решат, что ты не можешь идти, тебя застрелят. Держись.» Ну я и бросил свои колья из виноградника. Признаюсь, у меня были слезы в глазах – так больно было идти, но я боялся быть застреленным. Я шел, и стал чувствовать себя немного лучше. В конце концов, конвоир перестрелял всех, идущих в колонне за мной...

Думаю, шел третий или четвертый день нашего марша, когда русские заставили нас полостью раздеться для того, чтобы сбрить все волосы с наших тел и избавить нас от вшей. Нашу одежду закинули в жарко натопленную комнату, там было так жарко, что когда мы вновь оделись, пуговицы обжигали кожу. Но жар убил вшей. На пятый день нас погрузили в *Студебеккеры* и отвезли в Temeschwar (*это немецкая орфография,*

венгерская – Temesvár - венгерское название города Тимишоара/Timișoara в Румынии - ВК).

ТИМИШОАРА

Около двух месяцев нас продержали в Тимишоаре. Я вырос на ферме, был молодым и крепким парнем, но русские загребли в Будапеште буквально всех: стариков и молодых. Многие из тех, кто не был готов к испытаниям, не пережили Тимишоару. Здесь мы с братом потеряли друг друга. У него были осколки в спине от прежнего ранения, и его куда-то перевели на лечение. Мы увиделись с ним спустя много лет.

В городе для нас было отведено пять зданий, каждое из которых было разделено пополам. В каждом здании было человек 800, по 400 в каждой половине. Условия были такими, что даже стоя мы были вплотную друг к другу. Чтобы лечь, мы укладывались рядами с поджатыми коленками, все были повернуты в одну сторону. Чтобы повернуться, поворачивался весь ряд. Если кому-то было нужно в туалет, это сопровождалось криками и проклятиями. Если кто-то умирал, на его место приводили другого. Всегда 400 человек в помещении.

Туалет был на улице – яма и бревно сверху, чтобы сидеть на нем. Если шел дождь, яма переполнялась, и вся жижа вытекала в канаву, прорытую рядом с бараком. Так было, не приукрашиваю. В моем бараке был деревянный пол, в других – просто земляной. Кормили нас капустным супом – вода, немного соли и, может быть, листок капусты. В моем бараке этим жутким супом кормили в 2 часа ночи. В 11 утра выдавали небольшой кусок хлеба, и это было все. На этом было не прожить, и те, кто послабее, умирали каждый день. Приезжал конный фургон, и мы вытаскивали из барака трупы. Возле нашего барака их складывали – иногда 100, иногда 110 в день. Как-то утром я проснулся и сказал пареньку, лежавшему рядом со мной, чтобы он просыпался. Но он был мертв...

К концу апреля 1945 г., месяца через два после прибытия в Тимишоару, нас погрузили в железнодорожные вагоны на какой-то узкоколейке. Начался пятидневный переезд, который я никогда не забуду. Ни еды, ни воды на протяжении 5 дней. 60-70 человек в вагоне. Четыре уровня нар. Наротив дверей было небольшое пространство, где человек мог стоять. Дверь была приоткрыта сантиметров на 15. В эту щель опраправлялись. Через пять дней около 3-х часов дня мы прибыли в Плоешти. Мы умирали от жажды, но нам дали выйти не сразу. Через полчаса я поднялся и побрел к двери. Нас выпустили, и мы стали орать: «Где вода? Дайте воды!». Тут мы увидели воду, которая текла по канаве – мы упали на четвереньки стали пить ее. Это была жирная, мыльная вода, стекавшая с места, где люди мылись, но мы так хотели пить, что нас это мало беспокоило...

В СИБИРЬ

В Плоешти мы провели одну ночь. На другой день русские погрузили нас в вагоны, и мы начали наше 34-хдневное путешествие в Сибирь. Вагоны были почти такими же, как и те, в которых мы прибыли из Тимишоары: такие же нары, такого же типа туалет. Ни одеял, ни матрасов. На нас была та же одежда, в которой мы сдались в плен, а свои сапоги мы использовали, как подушки. Еду готовили в кухонном вагоне, и, когда мы останавливались, нам раздавали ужасный свекольный суп и, временами, по вагонам раздавали что-то типа кукурузы.

СВЕРДЛОВСК

В том поезде везли около 2 000 военнопленных. В Свердловске примерно 250 военнопленных венгров и меня в том числе ссадили с поезда. Там я увидел множество немцев, попавших в плен гораздо раньше. В Свердловске я работал в разных местах на протяжении трех месяцев. Какое-то время я работал на фабрике, изготавливавшей боеприпасы для реактивных минометов. Еще я работал на стройке и на лесоповале. До сих пор помню клопов в том лагере. По ночам там стены шевелились. У нас никогда не было достаточно еды, но, скажу я вам, те клопы не голодали.

НА УРАЛЕ

В большинстве сибирских лагерей нам, казалось, выдавали достаточно одежды, чтобы попытаться уберечься от мороза зимой, но ее всегда не хватало для этого. Самый сильный мороз, который я испытал, доходил до -68, но, когда было холоднее, чем -30, мы могли не работать вне помещений. Всегда был риск обморозиться. Помню, одному парню поручили разгрузить буханки хлеба для кухни, так он сделал это без рукавиц, отморозил пальцы на руках и лишился их.

Мы спали в бараках, вкопанных в землю так, что над поверхностью оставались только маленькие окошки. Обычно в бараке было около 250 человек, и, чтобы согреться, приходилось спать вплотную к соседу. В бараке была печка, и каждый, кто выходил, приносил кусок угля или дерева к концу дня. Один раз в две-три недели нам полагался душ. Нас водили в специальное помещение, где мы полностью раздевались. Душ был не горячим, но достаточно теплым, чтобы ощутить комфорт.

В некоторых лагерях нам выдавали ложки. Заключенный всегда имел ее при себе, и у меня была стальная ложка. Еда была весьма заурядная, иногда весь день кукуруза, иногда пшено, иногда фасоль. Мяса не бывало никогда. Из овощей была только жгучая крапива, и, признаюсь, она была превосходной. Помню, пару раз нам доставалось еще что-то. Если охранникам давали говядину, они после еды отдавали нам кости, и, мы высасывали из них все, что могли. В другой раз им дали лосося, и они поделились с нами. Мы съели все, включая кости.

НИЖНИЙ ТАГИЛ

Россия сильно пострадала во время войны, и ей для восстановления были нужны рабочие руки. В Сибири лагеря располагались в 10 км друг от друга, и в них были не только военнопленные, но и русские политзаключенные и преступники. Ну а я, куда бы ни перемещался, всегда перемещался на север. Проведя июнь, июль и август в Свердловске, я затем попал в Нижний Тагил, в большой лагерь, в котором было почти 3 000 заключенных. Там я провел следующие три года.

В Нижнем Тагиле нас сгруппировали по национальностям. Первое время я работал на прокладке канализации, потом на заводе. Сталин боялся, что может начаться война с Америкой, и продолжал производить вооружения. В Нижнем Тагиле был завод по производству танков *T-34*, и многие из нас были заняты на разгрузке угля для

сталеплавильных печей. Железную руду добывали поблизости, и, хотя на ее добыче работали, в основном, русские, военнопленные временами грузили шлак в небольшие вагонетки, которые куда-то откатывали.

Как-то раз в Нижний Тагил прибыли представители КГБ, и всех пленных заставили снять рубашки и поднять руки над головой. Русские знали, что военнослужащие *Waffen SS* имели татуировки с группой крови подмышкой. Многих, не имевших подобных татуировок, КГБ отправил домой. Но Сталин считал, что эсэсовцы были немцами, и хотел оставить их на месте и заставить работать еще несколько лет, чтобы наказать жесточе. Венгры, которые не были эсэсовцами, были отправлены домой где-то в 1948-м, но мне и таким, как я, сказали, что мы – немцы, и что мы должны остаться.

После войны мой брат рассказал мне такую историю. У него тоже была татуировка подмышкой, но он сумел поднять и опустить руку так быстро и прикрыть подмышку ухом так, а что никто не заметил татуировку. Его отправили домой в 1948 г., в коммунистическую Венгрию, откуда он сбежал в Западную Германию.

ГОЛОД

1946-48 годы были тяжелыми для России. Всего не хватало, а то, что было, Сталин хотел складировать на случай эскалации Холодной войны. Обычным гражданам было трудно, но еще хуже было заключенным. С октября 1946-го по январь 1948-го никто в лагере толком не работал. Охранники не заставляли нас работать потому, что знали – у нас не было для этого сил. Мы голодали. Из 3 000 заключенных, может, около сотни могли выйти из барачных, чтобы принести хоть что-то, что могло поддержать в нас жизнь. В это время я похудел до 45 килограммов. Иногда, когда я поднимался по лестнице на пару ступенек, у меня темнело в глазах, так я изголодался. Конечно, находясь в плену, временами я думал о доме, о семье, о женщинах, но когда мы голодали, мы думали только о еде.

В начале 1948 г. рубль был девальвирован, и были выпущены новые деньги. Жизнь в Нижнем Тагиле улучшилась, нас стали лучше кормить, и мы снова могли работать. И снова мы начали думать о чем-то другом, кроме еды.

ЛГУНЫ

Иногда меня спрашивают, как я мог столько выдержать, и мой ответ всегда таков: у нас всегда была надежда. Мы всегда верили, что вернемся домой. И подход русских к поддержанию в военнопленных надежд на это заключался в обещаниях отпустить нас домой где-то месяца через три. В общем, это было враньем. Они говорили: «Мы отправим вас домой через три месяца.» Но через три месяца у них находилась отговорка: «Смыло мосты» или «Сначала нужно выполнить новую работу.» Русские – первостатейные лгуны. Помню, один венгр сказал мне в 1948-м: «Если бы я знал, что меня продержат здесь столько времени, я бы покончил с собой.»

В КРАСНОУРАЛЬСКЕ

К концу 1948-го, после трех лет в Нижнем Тагиле, меня опять перевели севернее, в Красноуральск. Там было около тысячи военнопленных. Их рассортировали еще раз, и немцев, которые служили в Вермахте или обычных частях, отправили домой. Я остался там. Работать я стал, в основном, на огромном медном руднике. Клеть опускала нас на глубину 300 м от поверхности. Мы бурили шпурсы в забоях перфоратором, потом приходили женщины и закладывали в них взрывпатроны. Мы заходили в боковые выработки, звучал взрыв, потом мы лопатами грузили руду или породу в вагонетки, которые толкали к рудоспускам, куда сбрасывали материал.

К этому моменту моя семья считала меня погибшим. Письма из Сибири проходили цензуру, что означало следующее: они никуда не уходили, особенно если ты упоминал о том, что голодаешь. Но в Красноуральске, в 1949-м, я получил одно-единственное письмо за все время, проведенное в плену. Видите ли, в лагере был парень-венгр, у которого были проблемы с сердцем и которого собирались отправить домой. Он был из небольшого городка, куда когда-то переехала одна женщина из моей родной деревни. Когда я был еще подростком, моя семья помогала этой женщине. Я попросил парня, отправлявшегося домой, сообщить этой женщине, что я жив. Он так и сделал. В то время я не знал, что мои мать и сестра перебрались в Англию, но та женщина знала и написала моей матери. Мать написала тетке, которая жила в Канаде, и отправила ей новый адрес моего брата, который жил в Штутгарте. Моя тетка написала мне из Канады, но я не знаю, писали ли мне мать и сестра. Если и писали, их письма до меня не дошли... До меня дошло только письмо моей тетки, и в нем был адрес моего брата.

СЛЕДУЮЩИЙ ЛАГЕРЬ: КАРПИНСК

В 1949-м нас перекинули дальше на север, туда, где кончалась железная дорога – в Карпинск. Там находился самый большой из виденных мною угольных разрезов. В Нижнем Тагиле я разгружал уголь, который доставляли оттуда. Прямо под почвой здесь залегал угольный пласт мощностью 75 метров. Уголь взрывали и сбрасывали в днище огромного карьера, откуда по конвейеру доставляли на поверхность. Огромные экскаваторы загружали железнодорожные вагоны в три ковша. Техника нередко была американского производства, она была поставлена союзниками во время войны. Я часто работал на прокладке временных рельсовых путей. Их укладывали прямо на землю, были они довольно шаткими.

Город Карпинск в то время был довольно новым и малообустроенным. Улицы не были вымощены, не было тротуаров. Иногда мы работали на строительстве дорог и мостили улицы. Для этого использовали шлак с нижнетагильских сталеплавильных печей. Шлак развозили трофейные грузовики *Мерседес*. Русские, особенно водители грузовиков, были очень довольны нашей работой – тем, как мы мостили улицы.

ОТЪЕЗД ИЗ СИБИРИ

После 10 месяцев, проведенных в Карпинске, я покинул Сибирь, но не был освобожден. В 1950-м многих из нас усадили в поезд и перевезли в Воронеж. Город был полностью разбомблен во время войны и все еще лежал в руинах. Нас планировали использовать на строительстве и не спрашивали, что мы умеем или не умеем. Нам просто говорили: «Сегодня нужно 50 человек на плотницкие работы,» и 50 человек должны были

заниматься именно этим. В Воронеже было два основных лагеря. Я жил прямо на территории металлоперерабатывающего завода, и у нас были металлические нары с набитыми опилками матрасами. К тому времени после войны прошло уже более 5 лет, мы уже были сыты пленом по горло и особенно на работе не надрывались. Были дни, когда мы, в основном, просто стояли, опираясь на лопаты. Если кто-то говорил нам, что надо работать, мы что-то делали пару минут, а потом опять останавливались. Должно быть, это сработало, потому что Сталин сказал, что от нас больше головной боли, чем проку, и нас решили отправить в Венгрию, где к тому времени установился коммунистический режим.

НЕСЧАСТЛИВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Поезд прибыл в Венгрию, в городок Ньиредьхаза (Nyiregyhaza) посреди ночи, и мы сразу поняли, что наше возвращение не будет особенно радостным. На станции нас встретили собаки, прожектора и солдаты с автоматами. Сотрудники AVH – венгерской секретной полиции – допрашивали нас всю ночь, а затем разбросали по тюрьмам Будапешта. Опять тюрьма. Нас загоняли по 50 человек в одну камеру, на полу которой была лишь солома. Первые четыре или пять дней нам давали только воду. Нас не кормили. Какой-то коротышка-офицер приходил и разыгрывал нас. Он мог сказать, что нам страшно повезло, что нас скоро накормят ветчиной до отвала и дадут возможность написать письма домой. Через пять минут он мог вернуться и сказать, что мы виновны в тягчайших преступлениях, что нас скоро расстреляют, а наши тела выбросят в Дунай, поскольку никто не знает, что мы здесь...

ТИСАЛЁК

Дома, в Венгрии, мне предстояло быть заключенным еще три года. Месяц нас продержали в будапештской тюрьме, а в январе 1951-го меня отправили в новый лагерь, расположенный на берегу Тиссы. Это был лагерь Тисалёк (Tiszalok). Заключенные, которые выражали желание уехать на Запад, все были отправлены в этот лагерь. Здесь строили гидроэлектростанцию. Кайлами, лопатами, с помощью телег, которые тащили лошади, мы рыли новое русло и спрямляли реку, чтобы обеспечить достаточный перепад высот для ускорения течения. Все вручную.

Кормили нас супом из репы, от которого у всех был понос. Сил для работы было слишком мало - повторилось все то, что было со мной в Сибири. Начальство осознало, что дело не идет, нам начали давать соевые бобы, мы стали чувствовать себя лучше и вскоре снова могли работать. Про себя я в то время думал: «Я – венгр, но и в венгерской тюрьме я просто раб. Этого быть не должно.» Но охранники говорили нам, что у нас могут отобрать наше гражданство, потому что мы воевали на стороне немцев. Нам говорили, что могут в любой момент пристрелить нас, и ни одна душа об этом не узнает.

Так работали заключенные на строительстве гидроузла Тисалёк. Рисунки одного из них – Йозефа Рингхоффера (Joseph Ringhoffer)

В первый год работа в Тисалёке я был коноводом – водил лошадей, которые тянули телеги с землей. Среди нас был молодой венгерский офицер. Он говорил, что его звали Lazlo John, и рассказывал, что воевал на стороне немцев. Правда, никто не мог вспомнить его по временам, проведенным в лагерях. Когда мы спрашивали его, в каких лагерях он сидел, он говорил, что не может вспомнить. В итоге, мы узнали, что он был подсадной уткой и шпиком. Был еще один человек, которого стоит упомянуть. Он был одним из охранников, офицером, и из-за его большого роста мы звали его «Долговязый» (The Long One). Его уважали все заключенные: он слушал нас, мы слушали его. Венгерская тюрьма оказалась хуже Сибири по многим статьям. Меня не били ни разу, но больше половины заключенных, находясь в Тисалёке, испытали на себе побои. Одного из тюремщиков мы звали «Боксер», потому что он при первой возможности бил заключенных в лицо. Если он вызывал кого-то на допрос, человек возвращался без зуба и с кровью на лице. Это был венгр, который бил других венгров...

Один парень как-то спросил другого: «Зачем мы так надрываемся? Мы за это ровным счетом ничего не получаем.» Этот шпик, который называл себя Lazlo John, услышал этот разговор, и позднее тот, который задавал вопрос, был вызван администрацией. Его избили и заставили стоять, упершись лицом и коленками в стену, так всю ночь. Если он этого не делал, его снова били резиновой дубинкой. Так его избивали две недели, и, когда он вернулся, он еле говорил и мог только шептать. В итоге он выбрался из тюрьмы, но я помню, как он сказал нам: «Если я когда-нибудь вернусь сюда, я убью столько из них, сколько смогу.» Так он ненавидел коммунистов.

Итак, мы проработали там с 1951-го по 1953-й, и нас всегда интересовало: кто-нибудь на Западе знает о том, что с нами? Мы хотели рассказать о своей судьбе, и мы нашли способ сделать это. Лошади, которые мы использовали для откатки земли, принадлежали местным жителям. Каждое утро они приводили лошадей и каждый вечер забирали их. Эти фермеры, вероятно, получали какие-то деньги за использование своих лошадей. Мы познакомились с одним из фермеров, выяснилось, что он ненавидит коммунистов. Мы спросили, не возьмет ли он от нас небольшую записку на волю, чтобы передать кому-нибудь. Мы свернули записку и засунули ее одной из лошадей под шоры. Несколько таких записок, вывезенных из лагеря, достигли Западной Германии, и там возникло движение за освобождение таких, как мы. Но мы ничего об этом не знали.

БУНТ В ТЮРЬМЕ

К осени 1953-го, после почти трех лет в Тисалёке, мы дошли до такого состояния, что уже почти не беспокоились о себе и своем будущем. Думали мы так: «Убейте нас, делайте что хотите. Больше мы работать не будем. Вы только и делаете что врете нам. Мы устали от этого.» 4 октября 1953 г. тюремщики после полудня собрали митинг. Большой начальник возжелал произнести перед нами речь с призывом повысить производительность труда и завершить проект. К нам всегда обращались по номерам, а не по именам. Во время митинга нам пояснили, что мы можем высказаться, рассказать о своих заботах, но перед выступлением будем должны сообщить свой номер. Некоторые парни вышли, указали свои номера и высказались по поводу всего этого вранья: «Вы сказали, что мы можем вернуться домой, но нам не дали такой возможности. Вы сказали, что мы сможем писать письма, но нам не дали этого делать. Все это было вранье.» Позднее, в тот же день, парней, кто выступал на митинге, куда-то забрали. Может быть, человек 10. Долговязого - единственного тюремщика, которому мы доверяли, в тот момент в лагере не было.

В тот вечер во дворе тюрьмы мы начали кричать: «Верните наших товарищей!» Мы орал все громче и громче, каждый орал что было сил. Заключенные увидели в толпе Laszlo и решили, что настало время расправиться с ним. Его начали избивать, но он сумел вырваться и удрать, пробравшись под колючей проволокой. Охранники на вышках знали, кто он, и не стали стрелять по нему. Мы продолжали кричать, и офицер-коротышка, тот самый, который обещал нам ветчину еще в будапештской тюрьме и потом говорил, что может перестрелять нас, появился в тюремном дворе, чтобы уговорить нас. Я был впереди других, вместе с группой молодых парней, и в этот момент я понял, что лучше подумать о том, какими могут быть последствия. Заключенный Мейер (Joe Meyer), который был старше меня лет на 10, был человеком, которому я всегда доверял. До войны его семья жила неподалеку от нашей фермы. Я сказал себе: «Пойду-ка я найду его и посмотрю, что он делает.» Я вернулся к двери 2-го барака, где он стоял, и спросил: «Слушай, что происходит?» - Он ответил: «Стой здесь и смотри. Сейчас начнется стрельба.» Заключенные ринулись в сторону, где стоял офицер-коротышка, и тут раздались выстрелы. Этот офицер вытащил свой пистолет, и охранники на вышках открыли огонь прямо по толпе. Когда стрельба утихла, 5 человек было убито и более 30 ранено. Теперь там, неподалеку от гидроэлектростанции, расположен памятник со списком имен пятерых погибших и описанием случившегося.

СВОБОДА

Бунта можно было избежать, если бы на месте оказался Долговязый, но он был в это время Будапеште. И его нужно было избежать, поскольку уже были предприняты шаги по освобождению таких как мы. Сведения о происходившем в таких лагерях, как Тисалёк, достигли Запада, и Венгрия оказалась под давлением: стали звучать требования освободить нас. Долговязый был вызван в Будапешт, чтобы обсудить вопросы, связанные с процедурой освобождения. При этом сразу после нашего бунта нас наказали и перестали кормить – давали только воду.

На третий день Долговязый вернулся и заглянул в каждый из барачков. Затем нас вывели наружу и построили в шеренгу. Напротив нас стояли солдаты с автоматами. Мы уже не знали, чего ждать, но тут Долговязый сказал: «Что вы хотите поесть, парни? Ведь вы едете домой.»

Нас сразу стали лучше кормить. В следующие два месяца стало больше приличной еды, и мы перестали работать. В декабре 1953-го, через девять лет без двух месяцев с того дня, когда я попал в плен, меня посадили на пассажирский поезд, отправлявшийся на запад. В каждом вагоне было более 100 человек. Когда мы доехали до австрийской границы, я впервые стал верить в то, что могу оказаться на свободе. Когда мы выезжали из Тисалёка, мне выдали венгерский паспорт, а на границе нас встретила французская делегация. Нас пересчитали, называя имена и национальность, и усадили в австрийский поезд. Когда поезд остановился уже на австрийской стороне, мы увидели медсестер, стоявших вдоль перрона и державшихся за руки. Мы могли выйти, могли прогуляться, могли делать то, что нам хочется. Тут же стояли столы с едой, рядом с ними стулья. Никогда в жизни я не ел такой вкусной колбасы и таких булок, как в тот день. Ни разу...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я вовсе не горжусь тем, что служил в *Waffen SS*. В отличие от тех, кто вступил в *SS* добровольно, я был призван и пошел туда, куда мне приказали. Я стрелял по врагу, потому что знал, что если я не сделаю это, сам буду убит. Умирать не хочет никто. К 1944 году мы знали, что [немцы] стали сгонять евреев [в гетто], но не знали, какая их ждала судьба. Я узнал о лагерях смерти, когда освободился из лагеря, в 1953-м.

Меня часто спрашивают, переживаю ли я, гневаюсь ли из-за того, что случилось со мной. Люди спрашивают, не мучают ли меня кошмары или не испытываю ли я какую-то горечь от того, что столь большую часть своей жизни был в заключении. Когда они слышат мою историю, они удивляются, как такие парни, как я, вынесли все это. Но у меня нет злости по отношению к кому-либо, не бывает никаких депрессий. Иногда мне снятся те времена, но, когда я просыпаюсь, я смеюсь и говорю себе: «Какое счастье, что я здесь, а не там.»

<http://memoircenter.com/world-war-ii-german-army-veteran-steve-klesitz-nine-years-as-a-prisoner-of-war/>

Рассказ записал Chace Anderson

Сокращенный перевод и обработка – Владимир Крупник

Возврат на главную страницу www.warsstory.org